

Когда Бай Шаоцин проснулся в следующий раз, он ясно почувствовал что-то странное в своем теле. Боль от постоянного крика как будто уменьшилась, как и не затухающий дурман, и общая слабость. Похоже, в какой-то степени, ему стало чуть получше.

Раздался хорошо знакомый звук шагов.

Бай Шаоцин вздрогнул от неожиданности и его взгляд метнулся к двери.

Фэн Лун появился в дверях, но в его руках не было ненавистой агатовой бутылки. Бай Шаоцин не удержался и тайком вздохнул с облегчением, затем сразу же сузил глаза и холодно спросил:

— Великий лидер Фэн придумал новый способ мучить меня?

— Что ты сказал?

— На самом деле не в вашем характере использовать один и тот же трюк тридцать четыре раза подряд. Это слишком надоедает.

— Не в моем характере? — Фэн Лун медленно шагнул вперед и сел на край кровати. — Я хотел сказать, из-за слабого здоровья моего единственного учения, оставшиеся двадцать два раза временно записываются на твой счет.

Бай Шаоцин даже растерялся.

— Ого, так учитель заботится об ученике? Тоже верно, жаль, что вы уже применили на мне настойку.

— Если ты еще раз позволишь кому-нибудь к себе прикоснуться, все записанное вернется сполна, — тихо предупредил Фэн Лун.

Как Бай Шаоцин мог храбриться в такой момент? Он опустил голову и приподнял брови.

— Ученик понимает.

Фэн Луна это немного позабавило.

— Так ты снова стал хорошим учеником? Как ты узнал, что я собираюсь начать учить тебя боевым искусствам?

— У ученика полностью отсутствует внутренняя сила, и учитель перестал применять настойку, — Бай Шаоцин растянул губы в легкой улыбке. — Исходя из этих двух моментов, ученик сам догадался.

Фэн Лун обратил свой пугающий взор на Бай Шаоцина, но вдруг легонько усмехнулся.

— Твои внутренние силы в беспорядке, от них легко отказаться. Но отказаться не повредив фундамент, на это много ума не надо, — два пальца легли на пульс Шаоцина, и какое-то время он спокойно прислушивался. — Отвары, которые ты пил последние несколько дней наконец подействовали. Хотя у тебя нет внутренней силы, но кровоток стал лучше, чем раньше.

— Спасибо, учитель.

Фэн Лун криво усмехнулся.

— Кое-кто вчера сказал, что однажды убьёт меня.

— Если я буду способен убить, значит превзойду своего учителя, — Бай Шаоцин тоже холодно улыбнулся. — Учитель должен быть счастлив, что есть преемник.

Их взгляды вдруг столкнулись, да так, что искры полетели во все стороны.

— Если тебе станет лучше, ты будешь безобразничать, — Фэн Лун кивнул, схватил его, вытаскивая из груды шелковых одеял, и злобно улыбнулся. — Я теперь учитель, но ты хочешь прекратить совершенствование.

Улыбка на лице Бай Шаоцина внезапно наполнилась соблазном.

— Ученик всегда и везде послушен учителю, который может чему-то научить.

Па! От безжалостного удара тело Бай Шаоцина наклонилось.

Лицо Фэн Луна было мрачным.

— Шаоцин, не заходи слишком далеко.

— Учитель, в чем переборщил Шаоцин? Неужели плохо быть послушным? — Бай Шаоцин медленно сел на кровати. Его левая щека уже опухла. Кровавая нить, извиваясь, стекала на белое шелковое одеяло.

— Если ты еще раз упомянешь о тебе и этих мужчинах, я немедленно использую оставшиеся двадцать две бутылки настойки Хуажун Юэмао, — свирепым взглядом скользнув по лицу Бай Шаоцина, Фэн Лун постепенно убрал гневное выражение со своего лица и вернулся к обычному состоянию. Он снова прижал к себе Бай Шаоцина и погладил его гладкий подбородок. — Послушный и понятливый*? Звучит неплохо. Хм, мне не нравится, когда ты называешь меня учителем. Шаоцин, я хочу услышать, как ты зовешь меня старшим братом.

*П\п: Бай И, Бай Шунь. Фэн Луна забавляет созвучие с фамилией, хотя, конечно, иероглиф используется другой.

Тело в его руках вдруг застыло и легкая улыбка исчезла с лица.

Фэн Лун улыбнулся еще очаровательней.

— Не хочешь?

— Нет... — Бай Шаоцин сжал губы и с затаенной ненавистью посмотрел на Фэн Луна. Спустя долгое время он отвернул голову и тихо позвал: — Старший брат...

— Почему ты не смотришь на меня? — повернув его подбородок, заставляя его повернуться лицом к себе, Фэн Лун сказал. — Когда ты раньше называл меня страшным братом, твои глаза смотрели на меня.

Ладонь сжалась в кулак. Бай Шаоцин стиснул зубы такой силой, будто хотел их переломать.

— Назови еще раз.

— Старший брат, — хотя его подбородок был поднят, а лицо обращено к Фэн Луну, но глаза все

еще бессознательно избегали его взгляда.

— Еще назови.

— Старший брат.

— Еще раз.

В тот момент будто лопнула натянутая тетива, и так же лопнуло терпение Бай Шаоцина. Он внезапно перевел взгляд на лицо Фэн Луна и посмотрел прямо ему в глаза.

— Я ненавижу тебя, — он делал паузы после каждого слова, и его голос был мягким и медленным.

Фэн Лун горько усмехнулся..

— Так ты клянешься убить меня?

Бай Шаоцин молчал.

Молчание порой приравнивается к согласию.

— Все в порядке, — внезапно тихо вздохнул Фэн Лун, обнимая Бай Шаоцина. — Для Бянь Фуэра, который отбрасывает всех, как поношенную обувь, самый ненавистный человек на свете — это я. Тогда твои глаза и мысли всегда будут обращены на меня!

Ненависть глубже въедается в кости и запечатлевается на сердце, чем любовь.

Умение пересекать небо и идти против солнца, мужественное и сильное — лучший навык Улинь. Его необычность заключается в том, что мало кто из людей Улинь когда-либо сталкивался с ним.

Чем реже что-то встречается, тем больше вокруг этого тайн, а также и тем оно ценнее.

Белые одежды подобны снегу.

Стройное тело и в придачу изящное чистое лицо всегда притягивали взгляды людей.

— И впрямь сложно, — внимательно прочитав свиток, Бай Шаоцин нахмурился.

Сбоку нагло протянулась рука и мягко отобрала свиток.

Бай Шаоцин повернул голову.

— Учитель, Шаоцин еще не выучил.

— Как ты меня назвал? — прозвучал низкий предупреждающий голос.

С холодным выражением лица Бай Шаоцин равнодушно поправился:

— Старший брат.

Смешок сорвался с губ Фэн Луна. Он взял свиток и скользнул по нему взглядом.

— Техника пересечения неба никогда не оставалось на бумаге. То, что ты видишь — лишь основы, всего лишь введение. Самое важное здесь, — он указал на свою голову.

Непроницаемые глаза Бай Шаоцина волнующе сверкали. Слегка повернувшись к Фэн Луну, он открыто улыбнулся.

— Неудивительно, что я не понял многих мест. Прощу, учитель, объясните, — он неожиданно поднялся на ноги и уважительно поклонился.

В этот миг он был похож на прилежного ученика.

Фэн Лун, сидя в кресле, принял его поклон, но, тем не менее, сменил тему:

— Сокровище, я достал его.

— Поздравляю, учитель, — на лице спокойное выражение, но сердце смутно кольнуло болью. — Нет, поздравляю, старший брат.

Бай Шаоцин поднял глаза и украдкой посмотрел на Фэн Луна. Ради чего все было в тот день, когда он в поте лица писал схему механизма, и тихо оставил рядом с Фэн Луном?

— За исключением большого количества золота, серебра, и жемчуга, — сказал Фэн Лун. — Я получил пару потрясающих пилюль.

— Поздравляю, старший брат.

Спокойно глядя на Шаоцина в белых, подобно снегу одеждах, Фэн Лун вдруг вздохнул.

— Шаоцин, ты так прекрасен в белой одежде.

— Шаоцин все-таки предпочитает черную одежду, — равнодушно ответил Бай Шаоцин. — Разве летучие мыши не черные?

— Ты ненавидишь белый цвет?

— Кому во всем мире подходит белая одежда?

— Что насчет тебя? — спросил Фэн Лун.

Бай Шаоцин несколько не колеблясь, холодно усмехнулся.

— Где уж мне быть чистым. Разве старший брат не знает, чем занимался Шаоцин? — он перевел взгляд на свою белую одежду, и вдруг сощурился, будто белоснежный цвет резанул ему по глазам.

Фэн Лун внезапно фыркнул.

— Ло Вэньлун, сегодня утром я казнил его.

Он думал, что Бай Шаоцин хотя бы встряхнется, но вопреки его ожиданиям, он вообще никак это не одобрил, лишь слегка улыбнулся, повернулся, и снова сел.

— Разве он не самый способный подчиненный старшего брата?

— Так и есть, — словно искра, соскочившая с кремня, Фэн Лун с чудовищной скоростью оказался перед Бай Шаоцином и схватил его за тонкое запястье.

Руку пронзила мучительная боль, и Бай Шаоцин глухо застонал.

— Однако ты позволил ему прислать тебе письмо. Ты никак не мог сдержаться?

— Он знал о местонахождении потрясающих пилюль, естественно, я должен был хорошо к нему относиться, — Бай Шаоцин стерпел сильную боль в запястье и провокационно засмеялся над Фэн Луном. — Если старший брат согласится поделиться со мной потрясающей пилюлей, я и к вам буду хорошо относиться.

Лицо Фэн Луна приняло еще более ужасное выражение. Будто перед жестоким ураганом, тишина на мгновение накрыла комнату, но гнев Фэн Луна не взвился вихрем, как ожидал Бай Шаоцин.

Вместо этого он успокоился.

Подняв не сопротивляющегося Бай Шаоцина, Фэн Лун глубоким взглядом посмотрел на него. В горящих воодушевлением глазах таился необъяснимый свет.

Горячие губы медленно приблизились и прижались к бледным губам, передавая истинную ци.

Умение пересекать небо и идти против солнца, самое мужественное и самое сильное.

Тепло потекло вниз по горлу, дошло до сердца, и потянулось по ста каналам меридиан.

— Ты позволил ему прикоснуться к себе? — глубоким голосом спросил Фэн Лун после поцелуя.

Бай Шаоцин отчаянно хотел солгать. Он лгал бесчисленное количество раз в своей жизни, но в этот раз он не мог солгать, глядя ему в глаза. Более того, злиться Фэн Луна — это новое удовольствие, которое мало-помалу начал получать Бай Шаоцин.

Но...

— Нет, — он все-таки сказал правду.

Фэн Лун легко улыбнулся.

— Я верю тебе.

— Верите мне? — Бай Шаоцин поразился, а затем холодный самоуничижительный смех сорвался с его губ. — Да! Так же, как я верил вам в тот день! — Он мрачно посмотрел на Фэн Луна и внезапно с ненавистью произнес: — Не думайте, что можете использовать меня как игрушку только для себя, глава Фэн! Вы недовольны тем, что я увядший цветок*, но хотите, чтобы я был чистым. Я скажу вам, хоть Бай Шаоцин и не бесподобен, однако есть множество мужчин, стремящихся ко мне.

*П/п: Так говорят о падшей женщине.

Он ожидал, что Фэн Лун придет в ярость, но он только изящно улыбнулся.

— Шаоцин, твои поступки неразумны. Если ты хочешь учиться у меня боевому искусству, тебе

следует льстить мне, и быть послушным учеником. Если ты собираешься злить меня, и не выполнять мои приказы, не считаться с моими просьбами, тогда зови старшим братом, — Фэн Лун прижал Бай Шаоцина к стулу, глядя на него сверху вниз, и беззаботно спросил: — Ты все-таки хочешь уйти? Или хочешь выучить технику пересечения неба? Или же собираешься украсть потрясающие пилюли?

— Я хочу убить тебя, — Бай Шаоцин поднял голову, глядя на него снизу вверх, будто был уверен в том, что Фэн Лун не поднимет на него руку. — Кроме упорных тренировок, я еще хочу убить тебя. Изучить технику пересечения неба и убить тебя; украсть потрясающие пилюли, повысить свою силу, для того, чтобы убить тебя, — он замолчал и неожиданно вежливо улыбнулся, глядя на него с детским озорством в глазах. — Я вдруг обнаружил, что оставаясь здесь в качестве вашего ученика, я могу нанести внезапный удар и снова разозлить вас.

Фэн Лун посмотрел вверх и весело рассмеялся. Отсмеявшись, он опустил голову, посмотрел на Бай Шаоцина, и низко произнес:

— Запомни. Если еще раз посмеешь соблазнить моих подчиненных, ты будешь мечтать о смерти, но не сможешь умереть, будешь хотеть выжить, но этого тоже не будет.

— Какое вам дело до того, что я соблазняю людей? — взгляд Бай Шаоцина был упрямым. — Просто передайте мне технику пересечения неба прямо сейчас, и я буду служить вам столько, сколько захотите. Если не ради моего тела, для чего вы вкладываете столько усилий?

Он поднял руку и до половины стянул свои одежды, обнажая гладкую нежную грудь.

— Я хочу тебя, это легко, как повернуть руку ладонью вверх, — взгляд Фэн Луна скользнул по светлой коже и сразу же обратился к лицу Бай Шаоцина. — Шаоцин, это лишь твоё тело, зачем ты тратишь на меня так много?

Задрожав от этого глубокого взгляда, Бай Шаоцин сказал:

— Тогда чего вы хотите?

— Ты не понимаешь? — задал встречный вопрос Фэн Лун. На мгновение прикрыв глаза, он ответил: — Ты можешь ненавидеть меня, но должен любить себя.

Ненависть может удержать его, а любовь поможет выжить.

Словно услышав самую смешную шутку в мире, Бай Шаоцин расхохотался.

— Любить себя? Почему я должен любить себя? Я разве стою бережного отношения? Какая вам выгода, если я буду любить себя?

— Потому что... — Фэн Лун спокойно посмотрел на него, его глаза были наполнены жалостью и печалью. — Только тогда, когда ты узнаешь, как любить себя, тогда и узнаешь, как любить меня.

— Вздор! — лицо Бай Шаоцина изменилось и он произнес сквозь зубы: — Даже не мечтай снова обмануть меня! Я... В этой жизни я никогда снова не поверю тебе!

Закрыв глаза, он постарался забыть те несколько дней тепла.

Человеческое сердце подобно железу, только ненависть может длиться дольше любви и

счастья.

Только ненависть может быть несокрушимой.

Он всего лишь Летучая Мышь по фамилии Бай, не имеющий крыльев, но мечтающий летать на девятом небе.

В темном мире Небесной Летучей Мыши не существует света любви.

А также не должно быть Млечного Пути, разноцветных бабочек, и теплого... изумрудного меча.

— Я ненавижу вас, — холодно сказал Бай Шаоцин.

— Я знаю.

— Я хочу научиться технике пересечения неба.

— Я знаю.

— Я хочу научиться технике пересечения неба, чтобы убить вас.

Фэн Лун горько усмехнулся.

— Я знаю.

— Тогда почему вы не убьете меня, чтобы избежать будущих последствий?

— Бесплезно объяснять тебе причину, — горечь в улыбке Фэн Лун не умалила его свободных и непринужденных манер. — Что бы я не сказал, ты все равно не поверишь в этой жизни.

Верно, Бянь Фу-эр любит и ненавидит до мозга костей. Прости меня за то, что я использовал яд "ненависть", чтобы навечно оставить тебя рядом со мной.

<http://bllate.org/book/15169/1340542>